

Юрий Ручкин

**Поздняя
осень
ЛЮБВИ**

16+

Юрий Алексеевич Ручкин

Поздняя осень любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41758442

SelfPub; 2019

Аннотация

Человеческая жизнь всегда наполнена событиями, исканиями, проблемами... Но когда она приходится на «интересные времена», судьба одного человека переплетается с судьбой страны, события жизни связываются с происходящим вокруг. И как тяжело тогда найти простое человеческое счастье. Дождаться своей Любви. Автор – известный российский писатель Юрий Ручкин («Под знаком Льва», «Горькие воды Кубани» и др.).

*Разлука – дерзкая стрела,
Попала в сердце, сатана.
А кто стрелок и где ответ?
Я так устал за много лет...*

Ночной поезд мчался сквозь темноту, вздрагивая на стыках и мерно постукивая колесами.

В купе было душно, но Саша всё равно бы уснул, если бы не чайная ложечка, оставленная кем-то из соседей в стакане. Её настойчивое позвякивание раздражало молодого человека, который и так был слишком взбудоражен внезапным отъездом и предшествующими ему событиями. Внезапно к противному звяканью присоединился мощный храп соседа с верхней полки.

Александр поворочался на смятых простынях ещё пару минут, после чего решительно встал, натянул брюки и вышел в тамбур покурить.

В грохочущем тамбуре было гораздо прохладнее, чем в вагоне. Хотя неприятный металлический запах, смешавшись с ароматом из вагонного сортира, заставил Сашу поморщиться. В туалет ввалился не очень твердо стоящий на ногах пассажир, который даже не позаботился закрыть за собой дверь.

Запах стал ещё сильнее, и Саша отвернулся, закурил сигарету, чтобы заглушить омерзительную вонь. Он всматривался в ночной пейзаж, мелькающий за дверным окном, но мог

разглядеть лишь редкие огни, в которых можно было угадать фонари на проселочных дорогах или светящиеся окна домов.

Но самым отчетливым на темном стекле было отражение самого Александра. На него смотрел высокий, худощавый человек, лет тридцати пяти, с короткой стрижкой и серыми глазами, одетый...

Но он не видел себя, глубоко и часто затягиваясь сигаретой. Перед ним проносились картины давнего прошлого и совсем недалекого времени...

На секунду ему показалось, что отражение в окне изменилось и теперь на него смотрел совсем молодой солдатик в лихо сдвинутой набок пилотке и с не застегнутым на последнюю пуговицу воротничком, что явно выдавало в нем старослужащего, или «деда» на советском армейском сленге.

* * *

Да, тогда он действительно дослуживал свой второй год в армии. Позади осталась учёба в Школе младших авиаспециалистов ВВС, и он по-прежнему служил в команде технического обслуживания аэродрома подо Львовом. Городок так и назывался – «Городок».

В нем проживало около десяти тысяч человек смешанных, как всегда бывает после войн и переделов, национальностей. В Городке можно было комфортно посидеть в кафе, посмот-

реть фильм в местном кинотеатре, сходить на танцы в клуб. Казалось бы, что все эти радости жизни недоступны военнослужащим срочной службы, но Сашка с друзьями пользовались любой возможностью уйти в самоволку.

В этот день он, уже «старослужащий», дежурил с молодым кавказцем, который заканчивал свой первый год службы, то есть с «черпаком». Солдата звали Казбек.

– Ты уже успел осмотреть Городок? – как бы невзначай поинтересовался Саша. Он скучал в части и давно отправился бы «погулять», вот только не мог подобрать компаньона.

– Не-а, – протянул Казбек, – я только раз в городе был. А до следующей увольнительной ещё ждать и ждать...

– А если мы не будем ждать, пока отцы-командиры дадут нам разрешение? – хитро подмигнув, спросил Сашка. В сущности, он ничем не рисковал. . . . Выходцев с Кавказа начальство не жаловало, на что те отвечали полной взаимностью.

Неожиданно молодой солдат согласился с полной готовностью.

– Может, с девушками познакомимся, э? – спросил он, кося на приятеля загоревшимся от предвкушения приключений взглядом.

– Может, может, – ответил Александр, поспешно увлекая нового друга к заветной дыре в заборе, о которой знали все, и только начальство старательно делало вид, что для них это тайна за семью замками.

Около неё был припрятан непромокаемый рюкзак с гражданской одеждой. Чтобы не рисковать, бегая по территории части в «гражданке».

Вскоре на улицу Городка вышли два вполне импозантных молодых человека гражданской наружности, которые помимо всего прочего поражали прохожих польскими темными очками от солнца. «Два суперагента, не иначе», – усмехнулся про себя Саша. Он выменял эти очки у поляков, которые часто бывали в близком к границе Городке.

Сначала Казбек испуганно оглядывался по сторонам, боясь попасться на глаза случайному патрулю, но потом осмелел, и они вышагивали по залитой солнцем улице как настоя-

щие, свободные «хозяева жизни». Навстречу им шли девушки в легких цветастых платьях, и отвыкший от такой красоты Казбек буквально свернул голову, оглядываясь почти каждой вслед.

Саша был гораздо спокойней, – все-таки не в первый раз, – и только поэтому смог заметить, когда они переходили центральную площадь города, на которой красовался дурацкий памятник посередине, что навстречу им, целеустремленно набычась, шагает старший прапорщик Борисенко.

На одно короткое мгновение сердце у Сашки провалилось в пятки, но потом сразу заняло свое законное место. Он только успел непроизвольно дернуть приятеля за рукав. Когда Казбек понял, кто шагает им навстречу, он буквально посе-рел лицом, несмотря на природную смуглость кожи.

– Бежим? – еле проговорил он помертвевшими от ужаса губами.

– Не дергайся, – сквозь зубы процедил приятель, – он пройдет мимо.

Тут их увидел и прапорщик. Он даже чуть не споткнулся, а потом продолжил свой путь как ни в чем не бывало. Поравнявшись с солдатами, он остановился, делая вид, что даже не подозревает о том, кто они такие.

– Броневой, – прошипел он сквозь зубы, – если через час вас не будет в части, я тебя задушу на проходной. – Он перевел тяжелое от ярости дыхание и продолжил: – Шмотки сдадите мне, вместе с «окулярами». Будет запах пива или, не

дай бог, чего другого, будете копать глубокую яму, в которой я вас и похороню!

– Не волнуйтесь. Не переживай, Михалыч, – примирительно заговорил Александр, которому действительно на мгновение показалось, что прапора сейчас хватит удар – так побагровело у него лицо и выпучились глаза. – Мы уже все равно выпили. Яму копать не будем. Придем трезвые и вовремя. Зайдем сейчас в бар, выпьем ещё по кружке пива и вернемся...

Прапорщик побагровел ещё больше, если такое было возможно, судорожно дернул круглой головой, но отвернулся и направился в сторону части. Даже его спина была полна возмущения, что переполняло Борисенко.

Терять было уже нечего, и двое самовольщиков действительно отправились в местный бар.

– Ну что, выпьем за «боевое крещение»? – спросил Александр у явно приунывшего спутника.

После первой же кружки Казбек немного захмелел и воспрянул духом. Вышли из бара они уже значительно повеселевшими. Друзья – теперь уже окончательно друзья – зашли в местный магазинчик, где пополнили запасы спиртного. Пару бутылок вина рассовали по карманам, а небольшую фляжку коньяка Сашка засунул в носок.

Когда они опять вышли на улицу, прямо навстречу им шли две девушки, как показалось Саше, необыкновенной красоты. Одна – высокая брюнетка в желтом ситцевом платье в мелкий цветочек, с длинными ногами и высокой грудью. Когда он присмотрелся к ней, ему показалось, что нос у неё немного крупноват, да и черты лица скорее резкие, чем женственные. Тогда он перевел взгляд на её подругу – блондинку невысокого роста с кудрями, распущенными по плечам, прекрасной кожей, в голубом шифоновом платье, которое облегло прекрасную миниатюрную фигурку. Он был настолько впечатлен, что толкнул ничего не замечающего Казбека локтем в бок. Только тут кавказец обратил внимание на

девушек, которые были уже прямо перед ними.

– Здравствуйте, красавицы! – нарочито коверкая слова и склоняясь в шутовском поклоне, обратился Саша к девушкам. – Не покажете двум заблудившим иностранцам, где здесь подают самое вкусное (как это будет говорить по-русски?) морозиное?

Девушки рассмеялись от неожиданности. Скоро они уже сидели в местном кафе под оригинальным названием «Мечта».

Саша заказал мороженое и сухое вино. Сидя за неудобным столиком на самом солнцепеке около окна, молодые люди продолжили знакомство.

– Не хочу хвастаться, – говорил Саня, заглядывая в голубые, под цвет платья, глаза миниатюрной блондинке, которую звали Кристиной, – но я на самом деле легчик-испытатель. Я не стал бы рассказывать об этом случайным знакомым, но наша встреча произвела на меня такое неизгладимое впечатление, что я не могу поверить, что мы только что познакомились, а не были знакомы давным-давно.

Девушки смущенно хихикали, а он продолжал самозабвенно врать:

– Мой друг – Казбек, он из семьи настоящих князей с Кавказа. А сейчас мой технический помощник. Мы с ним столько прошли вместе... Сколько раз с парашютом прыгали... Сколько аварий устраняли...

Он разливался соловьем, а Казбек смотрел влюбленными

глазами на высокую Оксану. Когда пошли танцевать, оказалось, что Казбек был как раз ей по плечо.

Они расстались, договорившись о следующей встрече, когда на улицу уже спустились сумерки. На прощание Сашка попытался неловко поцеловать Кристину, но та смеясь отстранилась и легко побежала догонять подружку, которая с Казбеком ушла далеко вперед.

Они проводили новых знакомых до самого дома Кристины. Оказалось, что она жила совсем рядом с их частью.

Полные впечатлений приятели направились к КПП и нос к носу столкнулись со старшим прапорщиком. От ярости у Борисенко только что пар не валил из ушей.

Не говоря ни слова, тот начал хлопать их по оттопыренным карманам, а когда извлек две бутылки портвейна, прорычал, брызгая слюной:

– Переодеться, гражданскую одежду сдать! И марш к забору – копать яму! Включаю штрафные санкции, кобели!

Он, резко развернувшись, вышел с проходной и направился в казарму, неся бутылки в руках как две гранаты.

С гражданской одеждой пришлось распрощаться. Через пятнадцать минут Александр с Казбеком стояли у забора в форме и с лопатами в руках. Прапорщик Борисенко обрисовал им фронт работ, все ещё полыхая яростью.

– Отсюда и до забора, – показал он, – и чтобы глубина была такой, чтобы вы оба в эту яму поместились!

Переглянувшись, ребята принялись за работу. Они не

успели снять и слой дерна, как небо нахмурилось и начал накрапывать противный мелкий дождь, который вскоре сменился ливнем. Струи дождя хлестали их по щекам, вода лилась за шиворот, земля под ногами быстро превратилась в скользкое месиво. Прапорщик, который сначала ехидно наблюдал за ними, укутавшись в плащ-палатку, скоро не выдержал и ушел в казарму, напоследок заявив:

– Пока не докопаете – отбоя не будет! Иначе под трибунал отдам! Через час приду – проверю!

Он ушел в теплую казарму, где приветливо горел свет, а приятели, на которых не было и сухой нитки, продолжили копать. Наконец яма была готова. приятели, мокрые и гряз-

ные, как черти, уселись на её краю. Сашка достал из носка давно согревшуюся бутылочку коньяка, и они, сидя под непрекращающимся дождем, распили её из горла, передавая друг другу.

«Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить...!»

– разнеслось над спящей воинской частью. Казбек пел с заметным акцентом, иногда забывая или путая слова. Но Сашка пел звонко, хорошо поставленным голосом.

На звуки песни из казармы выскочил взъерошенный Борисенко.

– Ах вы, мать вашу! – заорал он. – Черти! Давайте тогда закапывайте, что нарыли!

Они опять взялись за лопаты. В казарму «штрафники» вернулись только под утро. Грязные, мокрые и уставшие. С трудом сбросили с себя форму и упали на кровати.

* * *

Через два дня после ужина в роту позвонил дневальный и позвал Александра к телефону.

– Тебя здесь девушка спрашивает, – с легким смешком объявил дневальный.

– Красивая? – подстроился под его тон Саша.

Хотя он был сильно удивлен и никак не мог представить, кто его мог спрашивать.

– Красивая, – подтвердил дневальный. – Ты идешь? Или мне с ней поближе познакомиться?

– Иду, – ответил Саша. В горле у него неожиданно пересохло.

«Может, это Кристина?» – подумал он. С той самой первой встречи он постоянно думал о привлекательной новой знакомой.

– Поспеши, – поторопил его дневальный, – пока старшина пошел посты проверять.

Александр пулей выскочил из казармы и, на ходу застегивая воротничок гимнастерки, бросился к КПП.

У дверей пропускного пункта его действительно ждала Кристина. Вечернее солнце освещало тоненькую фигурку, легкий ветер играл её волосами. В этот раз Кристина показала ему ещё красивее, чем в первую встречу.

Они поздоровались, оба смущаясь.

– Ты пропал, – с легким вызовом сказала Кристина, – знаешь же, где живу. Только через дорогу перейти. Вот самой пришлось прийти, тебя поискать...

– Прошлая самоволка была обнаружена и «строго наказана», – с улыбкой объяснил Саша. Его сердце пело от радости. – Я очень рад, что ты здесь.

Из дверей КПП выглянул дневальный.

– Старшина идет! – сдавленным голосом проговорил он и опять скрылся на КПП.

– В десять, на мосту! – успел крикнуть Саша, торопясь

вернуться в часть.

Растерянная Кристина только кивнула головой, наблюдая, как ухажер стремительно скрывается за дверью КПП.

Вечером после отбоя Александр отозвал Казбека в сторону.

– Я собираюсь выбраться в город, – пояснил он, – ты пригляди на всякий случай, чтоб не поймали.

– Ты с ума сошел, – прошипел в ответ Казбек, – за тобой старшина как коршун смотрит. Поймает – загремишь на губу!

– Сегодня Кристина приходила! Мы с ней договорились встретиться!

– Это хорошо, но старшина...

– Будем надеяться, обойдется, – ответил Саша, – я не могу не пойти. Такие девушки раз в жизни встречаются!

– Ну, удачи, – смягчился приятель, – спроси у неё, как подружка поживает.

– Хорошо! Спасибо, друг!

Александр бросился к своей койке и принялся лихорадочно готовиться к «побегу». Он аккуратно повесил форму на стул, поставил рядом сапоги. Уложил под одеяло несколько свернутых шинелей, чтобы было похоже на фигуру спящего человека, и в одном нижнем белье и тапочках направился к выходу.

– Я в туалет, – сказал он дневальному, а знаками показал ему на свою койку, где он сам якобы уже мирно спал.

Дневальный понимающе кивнул и отвернулся.

Александр направился к расположенному на улице туалету, осмотрелся по сторонам и, не заметив опасности, перебежками направился к дырке в сетчатом заборе, который окружал гараж. Сашка очень боялся, что старшина может выглянуть из своей каптерки и заметит фигуру в темноте. Солдатское нижнее белье отсвечивало не хуже фонаря. Но обошлось.

Пробравшись в помещение, он дал глазам некоторое время привыкнуть к темноте, а потом направился к автокрану, в кабине которого хранилось все «самое необходимое» для солдата: гражданская одежда, небольшой запас продуктов и даже пара бутылок спиртного.

Переодевшись, Саша осторожно подошел к пожарным воротам, которые вели на улицу. Беглец пошарил рукой над правой створкой и достал ключ, который с огромными усилиями был изготовлен им самим в мастерской и ценился в части на вес золота.

Ключ легко повернулся в большом замке, заранее смазанные петли даже не скрипнули, когда Сашка осторожно открыл створку ворот. Через минуту он уже стоял на полутемной улице. Прикрыв за собой дверь, беглец быстро направился к мосту через небольшую речку, протекавшую неподалеку.

Ночь стояла темная, безлунная, только крупные звезды сияли над головой. Александр так торопился, что несколько

раз оступился в темноте и тихо сквозь зубы выругался.

Он пытался разглядеть на мосту ожидавшую его девушку, несколько раз ему казалось, что его никто не ждет. Но когда он подбежал ближе, то увидел Кристину, которая стояла под деревом, росшим на берегу Верещицы.

Он тихонько её окликнул, и она несмело подошла. Девушка была одета в темное платье, так что только лицо белело в сумраке ночи.

– Ты пришла, – сказал Сашка, осторожно беря Кристину за руки.

– Ну, не приходите же еще раз к тебе на КПП, – тихо ответила Кристина.

Александр накинул ей на плечи свою куртку, – по ночам уже становилось прохладно, – и они взошли на мост.

Мост казался слишком большим для обмелевшей Верещицы. А когда-то это была полноводная река, по которой шли баржи, груженные солью и прочими товарами. Тогда и городок назывался – Сольный.

На середине моста они остановились, чтобы посмотреть на струящуюся внизу воду. Александр осторожно обнял девушку за плечи.

Они долго гуляли в эту ночь, пока небо не начало розоветь на востоке и на траву не упала крупная роса. Сашка все время думал, позволит ли Кристина поцеловать её на прощание, и всё-таки рискнул. Они впервые поцеловались на все том же мосту...

Было пора возвращаться в часть, а то настырный старшина мог заметить отсутствие своего солдата. Сашка проводил Кристину до калитки её дома, который стоял всего метрах в двадцати от реки, и поспешил к воротам гаража, что так и простояли чуть приоткрытыми всю ночь.

Осторожно зайдя в гараж и закрыв за собой ворота, он спрятал отмычку, быстро переоделся и выскользнул наружу. Дрожа от утренней прохлады в одном исподнем и все время оглядываясь по сторонам, Сашка добежал до дверей казармы.

– Проблемы с желудком? – ехидно, но тихо спросил дневальный.

– Точно, – так же шепотом ответил Александр. – А как тут у вас? Тихо?

Дневальный кивнул головой, и Саша быстро отнес шинели на место и скользнул к себе под одеяло, чтобы согреться и хоть немного подремать до подъема. Уже засыпая, он с удовлетворением подумал, что никто в казарме не заметил его отсутствия. Через минуту он уже храпел на всю казарму.

Скоро на соседней койке заворочался разбуженный этими дикими звуками старослужащий Иванихин. Сев на кровати, он раздраженно посмотрел на источник беспокойства. Сашка спал как убитый. И храпел. Не выдержав, Иванихин бросил в него подушкой, но тот только повернулся на другой бок и захрапел на тон выше.

Злой оттого, что его разбудили за час до подъема, Ивани-

хин соскочил на пол, поднял упавшую подушку и направился к соседней койке, где спал его давний товарищ и сослуживец Петро.

– Петр, просыпайся, – потряс он приятеля за плечо. – Ты что, не слышишь, какой тут концерт?

– Да не сплю я уже, – тихо отозвался Петро, – разве под такой храп можно спать?

На соседних койках заворочались остальные, послышались возмущенные возгласы.

– Давайте его вытащим отсюда, – предложил кто-то.

– Ага, и поставим около туалета! – подхватил идею Иванихин.

Четверо из разбуженных солдат аккуратно подняли спящего Сашку вместе с койкой на руки и, стараясь не скрипеть досками пола, понесли его к дверям. Дневальный уже тоже крепко спал, сидя на стуле и уронив тяжелую голову на стол, его тоненький храп звучал в унисон с громкими звуками, которые издавал нагулявшийся за ночь Александр. «Диверсанты» осторожно пронесли мимо него койку. Они с трудом сдерживались, чтобы не расхохотаться.

– Кто рассмеется – убую! – грозно прошептал Иванихин.

Вынесли Сашку на улицу, даже не задев за дверные косяки. Дорога до туалета заняла несколько минут, Сашка безмятежно храпел.

– А давайте его на плацу оставим, – предложил Петро. – Солдат спит – служба идет!

Так и сделали. Оставив койку посередине плаца, шутники тихо вернулись в казарму, давясь от смеха. Дневальный все ещё сладко спал.

Командир части Сметанин носил прозвище «Зоркий сокол», потому что его левый глаз был когда-то травмирован и смотрел теперь как будто в сторону. И надо же было ему именно в это злосчастное утро прибыть в часть пораньше.

Дежурным на КПП в этот день был прапорщик Денисюк. Он бодро отрапортовал командиру, что за время его дежурства никаких происшествий не было.

Выслушав доклад, Сметанин сделал дежурному знак следовать за ним и вышел на территорию, глубоко вздохнул, наслаждаясь бодрящим утренним воздухом, сделал замечание, что до сих пор не были выключены прожектора, освещавшие территорию в ночное время, и тут заметил непорядок на плацу.

Посередине плаца стояла койка, на которой крепко спал и громко храпел солдат вверенной ему части.

– Что это такое? – задохнувшись от возмущения, спросил Сметанин.

Удивленный не меньше него, прапорщик ответил:

– Не могу знать, товарищ полковник!

Денисюк сильно заикался по жизни, а в столь критической ситуации почти совсем потерял способность нормально выговаривать слова, поэтому из его ответа командир почти ничего не понял. Они подошли ближе и смогли разглядеть, кто

так сладко спит на свежем воздухе. От возмущения «зоркий глаз» Сметанина совсем повернулся в орбите, так что почти перестал был виден.

Денисюк решительно потряс спящего за плечо. Саша что-то пробормотал и перевернулся на другой бок. Прапорщик хотел продолжить его будить, но Сметанин перехватил его руку.

Он посмотрел на часы и сказал:

– Ещё пятнадцать минут до подъёма. Пусть солдатик поспит. А мы с тобой пока перекурим.

Они отошли в сторону и, усевшись на скамейку, закурили.

Из казармы выскочил дежурный, который уже знал, что командир прибыл в часть. Дежурил в этот раз вечно пьяный начальник финансовой части – капитан Смолин. Приглаживая растрепанные со сна волосы, он подскочил к начальству и хотел доложить по форме, но Сметанин, почувствовав сильный запах перегара, не дал ему и слова сказать.

– Что у вас такое творится? – кипя от возмущения, начал командир. – Почему на плацу солдат спит? Как койка могла тут оказаться?

– Не знаю, товарищ полковник, – забормотал начфин, – я никуда не отлучался, только на секунду в туалет отошел...

– Вижу, как ты службу несешь! А дневальный где был? Или вы в туалет вместе ходили? – Сметанин начал срываться на крик. – Так и тебя могут однажды вытащить и отправить в неизвестном направлении! Проснешься где-нибудь в лесу

– ни части, ни сослуживцев!

– Нет, – промямлил подчиненный, стараясь держаться подалеже от командира, чтобы не обдавать того винными парами, – может, дневальный и задремал на секундочку...

– Распустились совсем, – продолжал горячиться полковник, – в части бардак! Кто за это отвечать будет? Дневальный спит, дежурный ходит неизвестно где! Кто из солдат позволил себе эту неуместную шутку? А ты что, тоже спал или в туалет ходил? – неожиданно повернулся он к Денисюку.

– Никак нет, – вытянулся тот во фрунт. – Я найду виновных, – поспешил пообещать прапорщик, – я их загоняю, они у меня попляшут!

А виновные в это время наблюдали за происходящим в окно. Им хотелось получить максимальное удовольствие от удачной проделки. Но никто и предположить не мог, что командир так некстати заявится в часть. Теперь шутники имели бледный вид, каждый про себя гадал, в какую форму выльется начальственный гнев. Им всем оставалось служить всего по паре месяцев, и загреметь под конец службы на губу не хотел никто.

– Надо же, чтобы все так неудачно сложилось! – досадливо покачал головой Иванихин. – Кой черт его принесло с утра пораньше!

– Надо самим признаться, – решительно заявил его приятель, – повинную голову меч не сечет.

Он потянулся за формой. Тут послышался крик дневаль-

ного: «Подъем!»

Сашка, привыкший за время службы сразу просыпаться по этой команде, скатился с койки и обнаружил, что койка стоит на плацу, он стоит босиком в одном нижнем белье, а рядом стоит командир части с дежурными.

– Вы почему здесь спите, рядовой? – грозно, но стараясь сдержать улыбку, задал вопрос Сметанин.

– Не могу знать, – стоя по стойке смирно, ответил Сашка, – но могу с уверенностью сказать, что я не мог сам вынести койку на плац. Я спал.

Он не мигая смотрел перед собой и не мог видеть, как лицо командира невольно расплывается в улыбке.

– Отправляйтесь в казарму, – приказал Сметанин.

Сашка повернулся кругом и чуть не столкнулся с ночными шутниками, которые пришли «сдаваться».

– Разрешите обратиться, – обратился к командиру Иванихин. – Это мы так неудачно пошутили.

– И как же вам в дурные ваши головы пришла такая мысль?! – проревел полковник.

Солдаты молчали, виновато понутив головы.

– Он храпит шибко, – наконец пробормотал Петро.

– Что с вами делать, потом решу, – сказал, отворачиваясь от них, Зоркий сокол, – а пока койку вернуть на место и марш на зарядку.

Он отошел к ожидавшим его дежурным, а «старички» подхватили койку и, стараясь больше не мозолить глаза на-

чальству, поволокли её в казарму. Одеяло сползло на землю, но Иванихин ловко подхватил его и поспешил за своими товарищами.

Во время построения командир объявил, что за их хулиганскую выходку они отправятся на дембель в последнюю очередь.

Это незначительное, в сущности, происшествие повлекло за собой неожиданные последствия. Во время последовавшей проверки особым отделом вскрылись факты хищений или, проще сказать, откровенного воровства. Оказалось, начфин имел обыкновение присваивать себе денежные переводы, которые солдатам отправляли из дома. В части давно ходили разговоры, что слишком часто отправленные деньги не доходят до адресата или доходит не вся сумма.

Уже выйдя на дембель, Сашка узнал, что начфина посадили на шесть лет.

Это были самые серьезные последствия ночного происшествия. Не считая того, что несколькими старослужащим пришлось прослужить на пару недель дольше, чем они рассчитывали. А когда считаешь каждый день до дембеля – это серьезно...

* * *

Шло время, Саша продолжал встречаться с Кристиной, и однажды она пригласила его на свой день рождения. Их от-

ношения достигли такой стадии, когда девушка решила, что неплохо бы познакомить его с родителями.

Наступил октябрь, и в первых числах нарядный и с букетом роз, позаимствованных в соседнем палисаднике, Александр отправился через дорогу в дом именинницы. В подарок он нес флакон неплохих польских духов, купленных у проезжих поляков, и коробку шоколадных конфет.

Кристина с родителями жила в большом доме, разделенном на две половины, в каждой из которых было по две комнаты. В одной половине проживали родители, а Кристина занимала вторую.

Сашка первый раз был в этом доме; он заметил, что, несмотря на большую площадь, обстановка в доме была скорее бедной. Обшарпанная, старомодная мебель, потертый ковер на стене. Да и одеты хозяева были скорее по деревенской моде.

Отец Кристины щеголял в коричневом мятом костюме-тройке, розовой нейлоновой рубашке, странного вида небрежно завязанном галстуке. Его жена – высокая, очень худая женщина, нарядилась в ситцевое платье в мелкий цветочек, которое висело на ней как на вешалке. Хоть муж был лет на шесть-восемь моложе, но такой же высокий и нескладный.

Саша поздравил Кристину, вручил подарки и прошел в комнату, где был накрыт стол. Хозяева расстарались ради такого случая, так что стол просто ломился.

Кроме Александра поздравить новорожденную пришла старшая сестра Кристины, подружки, несколько человек соседей. Хозяйка поставила на стол вазу с принесенным Сашкой букетом. Одна из соседок проводила розы подозрительным взглядом, и он понял, что похозяйничал именно в её палисаднике. Саша мучительно покраснел и постарался не попадаться ей на глаза, но все равно несколько раз ловил на себе её испытующий взгляд.

Выпили за виновницу торжества. Потом еще раз. Гости быстро захмелели, разговор за столом становился всё оживленнее. Хозяин дома подсел к Александру с рюмкой в руке.

– Давай, сынок, выпьем за мою красавицу дочку, – слегка заплетающимся языком предложил он. Мужчины чокнулись, выпили, и хозяин начал пространно рассказывать о том, какое у него замечательное хозяйство и сколько в нем всякой живности. Сашка вполуха слушал его пьяную болтовню и усердно налегал на закуски.

– Вот только с помощниками беда, – продолжал Влодик, как звали отца Кристины (Сашка давно служил в этих краях и знал, что это Владимир по-русски. Жену Влодика звали Стасей). – Вот у меня кабанчик. Резать уже пора. А к кому обратиться, не знаю.

– Да никаких проблем, – отозвался Сашка, – я родом с Кубани. Я за свою жизнь столько поросей забил... Да и не только их...

– Вот это здорово! – обрадовался хозяин. – Вот ты мне и

поможешь! Сташка! – обратился он к жене. – Вот Кристинкин ухажер нам кабанчика и забьет! Он хвастает, что большой мастер в этом деле! Выпьем! – он снова наполнил Сашкину рюмку. – За кабанчика!

Все выпили.

– Как же он сможет из части-то выйти? – засомневалась Стася. – Дурак ты!

– Дура! – отозвался её супруг, моментально впадая в ярость, и прибавил длинное матерное ругательство.

Стася в долгу не осталась. Они кричали, оскорбляя друг друга, не обращая никакого внимания на притихших гостей и дочку.

Но Кристина оставалась спокойной; было видно, что для неё это обычное дело. Чего нельзя было сказать о Сашке, который был поражен до крайности столь внезапно разгоревшейся ссорой. На Кубани такие отношения были в диковинку.

Хозяин дома бросился к жене, и теперь они уже кричали прямо друг другу в лицо. Александру показалось, что сейчас начнется драка.

– Ты – бандеровская подстилка! – кричал Влодик. – Шлюха тюремная!

Гости потихоньку стали расходиться. Засобирался и Александр, которому нужно было успеть к десяти часам вернуться в часть к вечерней проверке. Кристина пошла его провожать. Они вышли на двор, где уже начало темнеть.

– Да, непростые у вас отношения в семье, – сказал он, все ещё приходя в себя от удивления.

– Не обращай внимания. У нас это частенько бывает. Обычное дело.

– А что имел в виду твой отец, когда говорил о «бандеровской подстилке» и «тюремной шлюхе»? – осторожно поинтересовался Саша.

– Да мелет, что в голову придет, – отмахнулась Кристина.

– Ты скажи отцу, что я, наверное, смогу выбраться в воскресенье на пару часиков, чтобы помочь ему с кабанчиком, – желая угодить нравившейся ему девушке, сказал Александр.

– Отлично! – обрадовалась Кристина. – Я тебе на КПП записку оставляю, когда все будет готово. Кабанчика нужно же закоптить. А то холодильника у нас нет. Всё мясо испортится.

– Как нет холодильника? – удивился Саша.

– Да у нас и газа нет, – рассмеялась девушка. – Только печь.

Александр покачал головой. А потом поцеловал Кристину и выбросил все посторонние мысли из головы. Она действительно очень ему нравилась. Много позже он будет вспоминать этот роковой день и пожалеет о том, что не обратил внимания на все знаки и подсказки, что подбрасывала ему судьба.

Они ещё немного постояли, обнявшись, а потом Саша заторопился в часть, все ещё глупо улыбаясь широкой улыбкой

счастливого, влюбленного человека.

В воскресенье он с нетерпением ждал весточки от любимой. Где-то ближе к полудню ему передали с КПП небольшой клочок бумаги, на котором было написано: «Газ и горелку привезли, нож и веревка готовы». И всё. Подписи под этим замечательным посланием не было.

Посыльный смотрел на Александра с удивлением.

– Я тут краем глаза заметил, о чем тебе пишут, – заявил он. – Ты что, в террористы решил податься? Газ, веревки, ножи... Скажи спасибо, что никто больше не видал. А то с тобой уже особысты разбирались бы!

– Брось ерунду говорить, – рассмеялся Саша. – Просто нужно людям помочь.

После обеда Сашка воспользовался своим «аварийным выходом» и, перейдя через дорогу, открыл калитку во двор Кристины. Она встретила его в дверях дома. Уже при входе Саша услышал громкие голоса, которые доносились с половины родителей. Когда он зашел в комнату, первое, что он увидел – накрытый стол, уже заставленный пустыми бутылками. По-видимому, застолье продолжалось довольно давно.

За столом сидел отец Кристины и его зять Василий, муж старшей дочери. Оба были изрядно навеселе.

– Проходи! – приветствовал гостя Влодик. – Садись, выпей с нами!

– Спасибо, но сначала дело, – вежливо отказался Александр, а про себя подумал: «Так, все ясно. Всю работу при-

дется делать самому».

Он с Кристиной прошел на её половину, там для него была уже приготовлена «рабочая» одежда. Он быстро переоделся и отправился в сад, где около яблони уже копошились «помощники». Они не совсем твердо держались на ногах и с трудом удерживали вырывающегося поросенка. Бедное животное визжало и сопротивлялось.

– Подтащите его к яблоне, – велел Сашка, заранее приметивший дерево с толстым, крепким стволом.

Мужики с трудом подтащили порося к яблоне. Саша быстро накинул веревочную петлю на верхнюю челюсть животного, закинул другой конец веревки за ствол и крепко привязал будущую жертву. Поросенок не переставал рваться с привязи. Александр опробовал нож, приготовленный хозяином, и остался доволен его остротой.

Он подошел к поросенку, схватил его за ухо и привычным жестом нанес удар по сонной артерии. Но то ли у Сашки давно не было практики, то ли боги в этот день были не на его стороне, но покончить с делом одним ударом не получилось. Брызнула кровь, поросенок завизжал и рванулся в петле. Веревка не выдержала и порвалась.

Дальше началось невообразимое. Поросенок метнулся прочь и направился не во двор, к своему привычному месту, а напрямик к калитке. Непрочная калитка не устояла, визжащий кабанчик вынес её с одного удара. И бросился по улице в направлении КПП. Растерявшийся Александр рва-

нул за ним, следом бежали неудачливые помощники.

Замполит, который занимался бумагами в своем кабинете, неожиданно боковым зрением увидел суету на улице около части. Стараясь повнимательнее рассмотреть, что там происходит, он подошел к окну и увидел незабываемое зрелище: по улице неся визжащий от ужаса поросенок, за ним бежал рядовой их части, весь в крови и с огромным тесаком в руке, за ним следовали непрерывно матерящиеся два мужика и куча истерично орущих женщин.

Ошарашенный увиденным, замполит надел фуражку и выскочил из кабинета.

Когда он добежал до КПП, поросенок уже выбился из сил и упал прямо перед входом на пост. Над ним столпились его преследователи и дежурный, который никак не мог понять, что вообще происходит.

– Что тут такое?! – прорычал замполит. – Рядовой Броне-вой, извольте доложить!

– Товарищ замполит, – вытянулся в струнку Саша, – вот граждане попросили оказать посильную помощь. Поросенок ногу сломал, надо было забить. А я умею...

– А как же он у тебя вырвался, – поинтересовался замполит, – если ты такой опытный?

– Да мы его за челюсть привязали, – почесал в затылке Сашка, – а веревка не выдержала...

– Ты его в следующий раз за яйца привязывай, – себе под нос пробормотал дежурный и поспешил скрыться на КПП.

– Я не буду спрашивать, как поросенок со сломанной ногой так резво бежал по улице, – заключил замполит. – Сейчас иди доделывай работу – забивай. Но учти, в следующий раз я тебя сам забью, как этого поросля!

Он развернулся и ушел, на ходу приказав дежурному навести порядок. Дежурный вызвал нескольких солдат в помощь. Поросенка связали стропами и отволокли на двор ко Влодику. Пятна крови засыпали песком.

На этот раз поросенка Александр успокоил с одного удара. Он переживал не только из-за всего произошедшего, но и из-за того, что фактически находился в самоволке.

– Ты, парень, в часть мяса отнеси, – предложил хозяин, – авось и посмотрят на всю эту историю сквозь пальцы.

Через некоторое время чисто вымытый и переодевшийся Александр с большим куском мяса в пакете зашел на КПП.

– Вот тут просили передать, – сказал он дежурному, передавая гостинец.

– Это хорошо, – согласно кивнул тот, принимая подарок.

То ли благодаря дежурному, то ли благодаря мясу историю раздувать не стали. Влодик считал, что это благодаря тому, что он был неплохим сварщиком и его часто нанимали подваривать отопление в части. Может, и это сыграло свою роль, поскольку время шло, а никаких карательных мер по отношению к Сашке принято не было.

После этого происшествия Александр и Кристина ещё больше сблизились. Он начал часто бывать у неё дома, и ро-

дители девушки, казалось, относились к этому благосклонно.

Александр все больше влюблялся, и Кристина отвечала ему взаимностью.

Дело зашло так далеко, что однажды она объявила Сашке, что беременна. Он не стал долго раздумывать и сразу предложил ей выйти за него замуж. Девушка согласилась, и, получив согласие Влодика и Стаси, они начали планировать свадьбу и дальнейшую жизнь. Тут как раз Александр демобилизовался.

Было решено, что распишутся они на Кубани, где у матери Саши была хорошая знакомая в поссовете, которая могла оформить брак в кратчайшие сроки, а жить потом вернуться в Городок.

Кристина после училища работала воспитательницей в детском саду, но договорилась с заведующей, что ей дадут отпуск на неделю за свой счет по семейным обстоятельствам.

– Вот что, Александр, – однажды сказал будущему зятю Влодик, – у меня родич – второй секретарь горкома партии. Я знаю, что сейчас собираются открывать заправку недалеко от границы. Сам понимаешь – иностранцы будут заправляться. Туда будут брать только самых благонадежных. Но если я поговорю с секретарем, возможно, удастся тебя туда устроить. Давай не откладывая к нему сегодня и сходим.

На том и порешили. Второй секретарь горкома, полный, громогласный человек с чапаевскими усами, охотно пошел

им навстречу. Он позвонил и выяснил, что, действительно, на заправке требуются еще два работника. На следующий день Александр поехал подавать заявление о приеме на работу. В отделе кадров его предупредили, что потребуется около двух недель на проверку.

Так все и устроилось. Сашка с Кристиной отправились к нему на родину сочетаться законным браком, а за это время его должны были проверить – годится ли он к службе на столь ответственном участке советской границы, как заправка. Тем более что начались события в Польше.

* * *

В октябре 1982 года сейм принял решение о роспуске всех профсоюзов и создании новых, строящихся по отраслевому принципу. Многолетняя борьба за легализацию «Солидарности» провалилась. Все это время «Солидарность» пользовалась активной поддержкой католической церкви. В 1983 году Л. Валенсе была присуждена Нобелевская премия мира. К 1988 году стала очевидной неспособность правительства вывести страну из кризиса без существенного понижения жизненного уровня населения. В апреле 1988 года произошел взрыв забастовок, требовали повышения заработной платы и легализации «Солидарности».

Власти вынуждены были пойти на переговоры с «Солидарностью», изъявившей к этому готовность, а с конца августа началась подготовка заседаний «круглого стола» – властей и оппозиции. Лишь в середине января 1989 года группе партийных реформаторов, в состав которой входили первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский и премьер-министр М. Раковский, удалось провести на пленуме ЦК резолюцию о политическом и профсоюзном плюрализме – путь к легализации «Солидарности».

«Круглый стол» с участием представителей «Солидарности», правительства, ПОРП, союзнических партий, Всепольского соглашения профсоюзов (ВСПС) – профцентра новых профсоюзов, созданного после 1982 года, и епископата проходил с 6 февраля по 5 апреля 1989 года. В числе его важнейших итогов были решения о проведении досрочных парламентских выборов, введении президентского поста, создании в парламенте второй палаты – сената, а также о разделе мандатов между различными политическими силами в сейме.

Молодые отправились на Кубань, где быстро расписались. Сашкиной матери невестка не понравилась. Она пребывала в шоке после полученной телеграммы: «Демобилизовался. Еду с будущей женой». Два дня она присматривалась к Кристине, но ничего не сказала сыну, кроме одной фразы:

– Смотри, Саша, тебе с ней жить.

Что она имела в виду, Александр тогда так и не понял. Он был счастлив с любимой. Мать подарила молодоженам немного денег, и уже через неделю они уехали.

Так началась их семейная жизнь. Вскоре после возвращения стало известно о двух вещах. Первая, что Сашку тщательно проверили, и, принимая во внимание, что он служил в секретной части и уже не раз подвергался проверке, его кандидатура одобрена. И вторая, что Кристина не беременна. Эта вторая новость Сашу смутила, но он решил, что Кристина могла просто ошибиться и принять желаемое за действительное.

Скоро он вышел на работу, а Кристина вернулась в свой детский сад. Потекли обычные будни.

Александр неожиданно для себя занялся бизнесом. Однажды к нему подошел поляк и предложил приобрести кое-какие вещи, провезенные контрабандой. Так и завертелось. Скоро у Сашки появилось достаточно много «поставщиков» и «покупателей». Поставщики иногда просто оставляли сумки в укромном месте, клиенты, покупатели и заказчики приезжали из самого Львова. У него появились деньги, и он смог в хозяйство приобрести козу, по прозвищу Марья Ивановна, кроликов и поросенка. В городе он стал уважаемым человеком, даже участковый набивался ему в друзья.

Польские товары не отличались качеством, но при тотальном советском дефиците и они пользовались огромным спросом. Поляков старались поймать на провозе и реализа-

ции контрабанды по всей трассе и во всех населенных пунктах. Им не разрешалось съезжать с трассы и на проезд давалось только сорок восемь часов. Поэтому на Сашкиной заправке они чувствовали себя в безопасности.

Однажды знакомый поляк завернул прямо ко двору дома Кристины. Он опаздывал, его двое суток на территории СССР заканчивались, а он не успел реализовать привезенный товар. Как назло, Александр в этот день не работал, и кто-то из служащих заправки участливо подсказал коммерсанту, где Саша живет.

Не успел посетитель отъехать, как в дверь постучали. Это был участковый, который хотя и приобретал иногда у Саши дефицитный товар, все же был представителем закона и никак не мог одобрить «неприкрытую спекуляцию».

Он вызвал Александра на крыльцо, закурил и сказал, старательно не глядя Сашке в лицо:

– Ты бы поосторожнее. Помни, что за тобой приглядывают. Попадешься – лет на семь загремишь кедры лобзиком пилить.

Он отбросил окурок и, развернувшись, ушел не попрощавшись.

Дома Александр развил бурную деятельность. Он затеял ремонт, провел газ, оборудовал ванну. Все свободное время занимался хозяйством, но семейная жизнь не складывалась. Кристина наконец показала свой истинный характер. В семье начались постоянные скандалы. Молодая жена была

всем недовольна, придиралась к любой мелочи. Сначала Саша списывал это на то, что Кристина была, теперь уже по-настоящему, беременна, но скоро понял, что её агрессивность и раздражительность не связаны с появлением будущего ребенка.

Она бросалась не только на него. Иногда, будучи в раздраженном состоянии, она забегала в комнату к родителям и на пустом месте начинала ссору с отцом, которая часто заканчивалась примитивной дракой. Александру приходилось разнимать родственников. Битье посуды и матерная ругань в доме были обычным делом.

Александр ближе узнал и тестя. Тот раньше работал в местной школе учителем труда, но из-за постоянных пьянок его уволили. И только по милости руководства его оставили работать кочегаром. Влодик был человеком рукастым, хорошим работником. При необходимости он мог исполнять и работу слесаря и сварщика. Никогда не отказывал в просьбе выполнить ту или иную работу. Поскольку в кочегарке его нетрезвого не могли видеть учащиеся, ему позволили работать. Но пить он не только не бросил, но и отдался этому занятию ещё усерднее. После работы в кочегарке он всегда был измазан угольной пылью и не утруждался частым мытьем. Несколько раз Сашка заставлял его лежащим на диване и плюющим в потолок. Слюна приставала к потолку, а потом медленно сползала вниз на Влодика. Похоже было, что это странное занятие тому очень нравилось.

Теща, хоть и не пила, во всем остальном не отставала от мужа. После очередной драки со скандалом она убежала из дома к старшей дочери, которая жила неподалеку. Бегала она так быстро и, как настоящая легкоатлетка, перепрыгивала через забор, как сайгак, задрав полы болоньевого плаща. Разъяренный муж никогда не мог её догнать. Чтобы ещё больше разозлить супруга, она могла не бегу начать его передразнивать.

– Вэ-вэ-вэ! Вэ-вэ-вэ! – кричала она ему.

Тот в бешенстве хватал все, что попадало ему под руку, и бросал в спину убегающей жене. Пьяный Влодик часто падал и злился от этого еще больше. Такое представление повторялось так часто, что уже не привлекало внимания соседей. Они только крутили пальцем у виска и не скрывали, что считают эту пару не просто странной, но и откровенно сумасшедшей.

Постепенно Сашка начал понимать, что Кристина немногим отличается от своих родителей. Он все чаще стал задумываться об уходе. Но куда было идти? К тому же скоро на свет должен был появиться его ребенок.

Так тянулась эта странная семейная жизнь, которая все больше тяготила Александра. Он стал реже бывать дома.

По вечерам старался уходить к друзьям или просиживал вечера в ресторане неподалеку, где стал таким завсегдатаем, что ему даже выделили столик. Кристина злилась и постоянно устраивала сцены из-за его частых отлучек.

Неожиданно Сашка сблизился и даже подружился со вторым секретарем горкома, который так помог ему с работой. Фамилия секретаря была Серомский, и он оказался чудным дядькой.

Саша часто заходил к нему в гости. Он приносил небольшие подарки, которые выбирал из привозимого поляками товара: хорошую рубашку, галстук, коробку конфет.

У Серомского был гостеприимный дом и очень милая жена, которая всегда к приходу гостя накрывала на стол. Так, за рюмочкой домашнего вина, они иногда проводили целые вечера.

Однажды чуть захмелевший Серомский вдруг пошел на откровенность.

– Жалко мне тебя, парень, – закуривая и старательно глядя в темное окно, вдруг сказал он. – Попал ты в самое пекло. Эта семейка – то ещё логово змеюк.

Сашка от неожиданности подавился стопкой водки, которую только поднес ко рту.

– О чём это вы? – спросил он.

– Да Влодик-то ещё туда-сюда, – медленно ответил Серомский, – он мужик-то всегда был правильный. Мастер хороший... Да и педагог неплохой. Пока пить не начал. А потом... Стопка за стопкой, стопка за стопкой... Вот Стася его – та ещё тварь. Шалавой была конченной, шалавой осталась. Да и дура к тому же. Ты знаешь, что она семь лет отсидела?

– Отсидела? – поразился Саша. Он мог многое предста-

вить о своей теще, но «отсидела»?! – За что?

– Я же говорю – дура, – покачав головой, ответил секретарь. Он раскраснелся от выпитого, но было видно, что он переживает и вся эта история ему искренне неприятна. – Были выборы. Она пошла и в бюллетене накарябала «За вильну Украину!». Конечно, особенно по тем временам, её и ещё нескольких придурков под замок... Дали ей семь лет, отсидела в Караганде. Потом вернулась, женила на себе Влодика... Тут и понеслось...

Александр, удивленный всем услышанным, хоть и мог предположить что-то подобное, задумчиво опять наполнил стопки. Мужчины выпили, и Серомский продолжил, морщась то ли от выпитого, то ли от того, что рассказывал.

– Кристину мы жалели. Поэтому я тебе и с работой помог. Надеюсь, ты девочку вытащишь из этой ямы. Но теперь вижу, она такая же, как мамаша её... Не получается и у вас семья. Ты смотри, веди себя осторожнее. Если доведут тебя до драки – они же тебя и посадят. Недаром Стася рентгенологом работает. Такую себе справку нарисует, лет тебя на семь посадят...

Почти по его словам и получилось. Разошлись Александр с Серомским далеко за полночь. Саша был растерян и угнетен. Он помнил, как ещё недавно любил Кристину, какой удивительной девушкой она ему казалась. Как верил в то, что их ждет удивительное и счастливое будущее. Он вернулся домой, когда Кристина уже спала, поэтому на этот раз

обошлось без скандала. Александр долго лежал без сна, он планировал, как и о чем поговорит завтра с женой. Может, удастся убедить её съехать от родителей, и тогда они заживут по-новому? С этой мыслью он, наконец, уснул.

Но утром поговорить не удалось – Кристину увезли по скорой в роддом. На следующий день Александр стал счастливым отцом хорошенькой девчужки. Они уже заранее решили, что, если родится дочка, назовут Таней.

Он так волновался, когда пришел к роддому встречать молодую мать, что и думать забыл о своих намерениях поговорить и сомнениях, поселившихся в душе после разговора с Серомским.

Дочка показалась ему самым удивительным и прекрасным существом на Земле. А Кристина была так счастлива и весела, что Сашка почувствовал, что он опять любит её как прежде.

Молодые родители вернулись домой, где, правда, опять ждало обильное застолье. Гости и хозяйка изрядно приняли на грудь, но даже это не могло умерить радость свежеепеченного отца. Ложась спать, он вдруг подумал, что теперь обязательно нужно купить холодильник. Ведь когда в семье есть маленький ребенок, без холодильника не обойтись?

«Как я раньше об этом не подумал? – в полудреме размышлял Саша. – Мог бы и скопить. Нужно будет у Стаси попросить в долг, – решил он наконец, – для внучки она не откажет».

С этой мыслью он и уснул.

Заботы и новые, отцовские, обязанности полностью заняли несколько последующих дней; Сашка почти не спал, прислушиваясь к мерному дыханию доченьки, а дни проводил между работой, заботами по хозяйству и кучей «маленьких» поручений от жены и тещи, которые хлопотали вокруг детской кроватки.

– Саш, сходи в аптеку! Саш, сходи в магазин! Саш, подогрей воды! Саш, принеси пелёнки!

Он бегал по дому как загнанный заяц.

* * *

В 90-е годы прошлого века термин «челнок» перестал восприниматься, как технический. Как деталь ткацкого станка. Он приобрел принципиально новое значение. Множество граждан бывшего СССР стали зарабатывать на жизнь отправляясь за границу с целью приобретения и будущей перепродажи товаров потребления.

Возникновение «челночного» бизнеса было обусловлено дефицитом и отсутствием рабочих мест сотен тысяч граждан в условиях меняющейся экономики. «Челночное» движение в начале 90-х, начало приобретать массовый характер. «Чартер» – рейс за рубеж, официально якобы туристический, был связан с оптовыми закупками вещей для их последующей реализации в России. В середине 90-х из Турции и

Греции «челноки» везли кожаные куртки, шубы. В греческом аэропорту за каждый килограмм груза нужно было заплатить 20 долларов (в Турции – всего 2 доллара). «Челноки» сэкономили – летели в Турцию, потом на автобусе добирались до Греции, закупались, и на этом же автобусе, беспешинно, возвращались в Турцию. Потом летели домой, оплатив по 2 доллара вместо 20 таможенной пошлины. Покупать шубы в Греции было выгодно. Через какое-то время греческие таможенники узнали про этот бизнес и запретили провозить через границу более двух шуб на человека. Но «челноки» нашли способ обходить этот запрет – шубы скатывались в «скатки», похожие на футбольные мячи, обматывались скотчем, и прятались в багажное отделение автобуса.

В Москве начали активно развиваться оптовые рынки такие, как «Лужники», «Савеловский», «Измайловский» («Черкизон») и многие другие. Туда приезжали за товаром оптовые покупатели из провинции. «Черкизон» считали главным оптовым рынком страны. Это было «государством в государстве», со своими правилами и иерархией. Рынок начинал работать с 4 утра. Там можно было приобрести все, что угодно, по самым низким ценам. В 3–4 часа дня «челноки» забивали автобусы закупленными товарами до потолка и разъезжались по всей России.

Челночный бизнес в России начался с Польши. Загранпаспорт в начале 90-х на польской границе можно было сде-

лать за 20 долларов. Минимум, что можно было провезти – блок сигарет и 2 бутылки водки. Нужно было проехать 10 км на территорию Польши, продать, и заработать 10–15 долларов. Наиболее расторопные торговали еще и слитым из бензобаков горючим, а из Польши привозили футболки, джинсы, куртки, бытовую технику. Со временем российские «челноки» наладили канал поставки через Китай. В сентябре 1991 года был дан старт русско-китайскому «челночному» бизнесу.

* * *

Наконец он выбрал момент и поговорил с тещей. Как ни странно, она сразу согласилась дать ему взаймы. На полученные тысячу четыреста рублей он купил у знакомого поляка десять пар джинсов «Super Peris».

На них у него уже был клиент. Они договорились встретиться на вокзале во Львове. По Сашкиным прикидкам прибыли, полученной от продажи, должно было как раз хватить на холодильник.

Клиент встретил его в привокзальном кафе. Столики стояли прямо на улице, что придавало особый шарм простой привокзальной площади советского городка в глубинке. Можно было вообразить себя завсегдаем парижского заведения и, может, даже начать писать стихи... Но Саше было не до стихов: он с трудом дотащил объёмистую спортивную

сумку, нагруженную товаром, и теперь обливался потом под жарким полуденным солнцем.

– Поезд, как всегда, опаздывает, – сообщил ему клиент. – Жена деньги за заказ из Киева везёт. Садись, пивка выпьем. Жарко очень. А здесь объявления с вокзала о прибытии слышно.

Александр охотно согласился, ему было жарко и хотелось пить. Он с удовольствием пригубил из кружки с холодным пенистым напитком, которую услужливо поставил перед ним его знакомый. Мир сразу показался ярче.

Они сидели, потягивая пиво, которое заказывалось уже несколько раз, неспешно разговаривая о пустяках и прислушиваясь к объявлениям по радио с вокзала. Поезд из Киева все ещё опаздывал. Прошло уже около часа, Сашкин собеседник уже несколько раз отлучался в туалет неподалеку и, наконец, Саше тоже потребовалось отойти. Он бросил взгляд на тяжеленную сумку, что стояла около столика, но, решив, что тащить её с собой в туалет не имеет смысла, на всякий случай спросил у клиента:

– Я сумку оставлю?

Тот только согласно кивнул головой, почти не открывая

глаз, разморенный солнцем и пивом.

Саша быстро добежал до туалета и, расстегнув ширинку, вдруг замер у писсуара. Неожиданная мысль пришла ему в голову. Он выскочил на площадь, на ходу застегивая штаны.

Ни клиента, ни его сумки с джинсами в кафе не было...

Сашка заметался по площади, несколько раз забежал в здание вокзала, но его нового знакомого нигде не было видно.

День постепенно переходил в вечер. Не зная, что ещё можно предпринять (не идти же в милицию?!), Сашка сел в электричку и отправился домой. Больше всего его терзала мысль о предстоящем разговоре с тещей. Он так и видел её искаженное яростью лицо, тощую фигуру, напряженную от злобы. Слышал слова, которые она будет бросать ему в лицо... И самого себя, съеживающегося от ругани и обвинений.

Как только он вошел в дом, он увидел, что свет пробивается только с половины родителей Кристины. Вся семья была в сборе. Они его ждали. По его лицу родственники сразу поняли, что что-то случилось.

– И где наш холодильник? – тщательно разделяя слова, спросила теща.

Пришлось рассказать всё как было...

Этим вечером Александр узнал все, что о нем думает его новая семья.

– Собирай вещи и убирайся из нашего дома! Москаль проклятый! – в заключение заорала Стася.

– Слава Вильной Украине! – неожиданно сам для себя крикнул в ответ Сашка и вскинул руку в гитлеровском приветствии.

Стася не то что побледнела – позеленела лицом и бросилась к нему, расставив пальцы с плохо наманикюренными ногтями, как когти.

Саша поторопился убраться из дома, когда увидел, что и Кристина готова броситься в драку. Он попросился на ночлег к Серомскому, который пустил его, ни о чем не спрашивая, только горестно покачав головой.

Когда на следующий день он рассказал гостеприимному хозяину обо всем случившемся, тот одолжил ему денег, чтобы он смог отдать долг теще. Что Александр и сделал.

Та на время поутихла, но с Сашей не здоровалась и старалась делать вид, что его вообще нет в их доме. Влодик во всем следовал своей супруге, особенно когда она его могла увидеть.

Сашка прекрасно понимал, что дело плохо. И становится всё хуже.

Время близилось к празднику Нового года. Сразу после рождения дочки Александр дал телеграмму матери, что ждет её на Новый год у себя, в новой семье. Она ответила, что будет поездом 27 декабря.

Саша встретил её на вокзале. Мать выглядела уставшей, что было неудивительно, когда он принял её тяжело нагруженные сумки. Мама везла с собой тушки индюка, гуся, ябло-

ки...

Кристина и родители встретили гостью холодно. Еле поздоровались сквозь зубы. Саша пытался сгладить впечатление от столь «теплого» приема, но у него это плохо получилось. Мать сделала вид, что ничего не заметила, но губы невольно поджала.

Оттаяла она только тогда, когда увидела внучку. Девочка не вникала (да и на могла ещё) в проблемы взрослых, она просто радовалась, когда с ней возились и ласково разговаривали.

Следующий день прошел спокойно. Стася и Кристина ушли на работу, а Влодик отправился на очередную «халтуру». Мама Саша осталась с внучкой, а он отправился на заправку. Вечером все разошлись по своим половинам, и хоть Кристина не разговаривала с бабушкой, но и конфликта удалось избежать.

На следующий день Саша отправился в магазин, чтобы купить шампанского и вина для праздника. В доме не было ни капли спиртного. Вернувшись, он нашел мать сидящей на лавочке около дома и горько плачущей.

У Сашки внезапно омертвели губы. Он с трудом смог произнести:

– Что случилось?

– Зачем ты меня сюда вызвал? – дрожащими губами выговорила его мать. – Чтобы меня так оскорбляли? Пытались убить? Они же ненормальные!

– Мама, успокойся, – не совсем понимая, что делает и говорит, обнимал её Саша, другой рукой пытаясь открыть бутылку водки, которую принес к празднику.

Наконец поняв, что одной рукой это не получится, он отпустил мать и открыл бутылку. У него самого затряслись руки, он представлял себе, что могли учинить родственнички, и воображение рисовало ему самые страшные картины.

Наконец пробка поддалась. Он попытался влить несколько капель водки матери в рот, но губы у неё тряслись и почти все пролилось на платье. Тут Саша хлебнул сам и постепенно начал ощущать, что смерч, бушующий внутри, немного утих.

Немного успокоилась и мать. Она смогла рассказать, что, когда он ушел из дома, она некоторое время возилась с внучкой, а когда та уснула, вышла на кухню за стаканом воды. Они набросились на неё неожиданно...

– Проклятая москалька! Тварь поганая! – кричала Стася, а Владик тащил её к газовой плите, где горел огонь. – Жги москальку!!!

– Не знаю, как я вырвалась, – плача закончила мать, показывая обгоревшие волосы. – С тех пор сижу здесь... Они побоялись выходить, чтобы соседи не увидели...

Тут она опять горько разрыдалась.

В глазах у Сашки потемнело, он осторожно освободился из судорожных объятий матери и решительно направился в дом.

Влодик и Стася молча сидели на кухне в темноте.

– И что вы здесь устроили? – стараясь казаться спокойным, спросил Саша заходя.

– Пусть убирается! Зачем она сюда притащилась?! – неожиданно взорвался Влодик.

Красная пелена встала перед глазами Александра. Он бил Влодика не глядя, в драку ввязалась Стася – досталось и ей. (Как говорили соседи на следующий день, ухо у Стаси посинело и вспухло, а Влодик выглядел так, будто его покусали пчёлы на пасеке – глаз открыть не мог.)

Саша быстро собрал свои вещи – Кристина с ребёнком в этот день ушла ночевать к старшей сестре – и выскочил из дома. Они с матерью опять отправились к Серомскому – больше идти было некуда.

Второй секретарь принял их как подобает, выслушал, но потом отозвал Александра в сторонку.

– Завтра вам уезжать поздно будет, – сдавленным шепотом объявил он. – Скоро подойдет тридцать шестой, «Львов – Адлер», вам на него нужно. Эти, – он мотнул головой в сторону дома Кристины, – вам не простят... Будем заниматься срочной эвакуацией, – заключил он.

Потом позвонил, вызвал своего личного шофера, который не только отвез их, купил билеты, но и посадил в вагон.

Только в поезде Александр начал немного приходить себя. Он начал беспокоиться, не нанес ли тестю и Стасе серьезных повреждений, как дочка останется одна в этой семейке

и прочее, и прочее, и прочее... Он нервно курил в тамбуре, а когда вернулся на свое место, увидел, что мать уже подружилась с соседкой и активно с ней общается.

– Я все сразу поняла, – говорила она, – не пара они. Вот только внучку очень жалко.

Саша развернулся и отправился искать вагон-ресторан. Ему срочно нужно было выпить.

В вагоне ресторане было пусто. За ближним столом сидел одинокий мужчина, перед ним стоял небольшой графинчик водки. Мужчина сделал приглашающий жест, и Александр сел напротив него. Он тоже заказал сто грамм водки и какой-то салат.

Попутчики разговорились и просидели в ресторане до са-

мого закрытия. Когда Саша вернулся в купе, мама уже спала. Он вышел в тамбур покурить, а потом тоже лег и попытался уснуть. Но сон к нему не шел, он переживал из-за всего случившегося и думал о том, что родители Кристины могут написать все-таки заявление в милицию, и тогда его отыщут и на Кубани.

Так бы и случилось, если бы на следующее утро Серомский не отправился в дом к Влодику. Он был просто поражен видом супружеской четы, которая тем не менее пылала жаждой мщения и серьезно собиралась к участковому.

– Ты, Влодик, брось эту затею. Не сложилась у Кристины семейная жизнь, и ладно. Найдет себе другого мужа, с которым у вас конфликта не будет, – сказал он хозяину дома, отозвав того в сторону. – Парню жизнь не ломай, а то и ему найдется что вам предъявить.

– Да я его найду и самому ноги переломаю, – не успокаивался Влодик, – он у меня пожалеет, что на свет родился!

– Уймись, – резко осадил его Серомский, – он все равно уже далеко. Они ночью к нему на родину укатили.

Влодик ещё немного побушевал, но Серомскому удалось убедить его не поднимать скандала, не выносить сор из избы.

Всего этого Сашка не знал, поэтому на душе у него было беспокойно. Наконец они доехали и вышли на станции Тихорецкой и уже вечером были дома. На следующий день Александр поспешил на почту, чтобы позвонить Серомскому и узнать, что происходит в его бывшем доме.

– Все нормально, – успокоил его секретарь горкома, – никакого заявления не будет. Я смог их уговорить. Хотя Стася была настроена очень решительно. Что такого ты ей сказал?

– Да ничего особенного, – смутился Александр: он не хотел рассказывать Серомскому о своей дурацкой выходке с «вильной Украиной».

– Кристина уже утром отправилась подавать заявление на развод, – продолжал Серомский, – так что жди, она наверняка и на алименты подаст. А так устраивайся на работу, обживайся и звони иногда, я буду держать тебя в курсе. Заявление твое об увольнении я передал, трудовую книжку я тебе вышлю.

На том они и попрощались.

Саше было странно через столько лет снова жить в родном доме. Он встретился с некоторыми старыми друзьями и скоро нашел себе временную работу. Пока он ждал документы из Городка, он не мог официально устроиться на работу, поэтому примкнул к бригаде шабашников.

Зимой работы для них было немного. Поэтому Александр часто ходил с друзьями на рыбалку и охоту. Он не находил себе места. Из-за неудачной женитьбы и не сложившейся, как он тогда думал, жизни Сашка стал часто выпивать и нередко приходил домой пьяным. Мать только грустно качала головой, когда он в очередной раз приходил домой, с трудом держась на ногах.

Наступила весна, с ней прибыли и документы из Город-

ка. В том числе бумаги о разводе. Развели их как-то чрезвычайно быстро, не иначе Стася задействовала свои связи или просто заплатила кому нужно.

Пора было подумать о трудоустройстве, но Александр не торопился.

Тут неожиданно в гости прикатила его сестра Надежда из Омска.

Сашка был очень рад её видеть, но уже на следующий день Надя завела разговор о его планах на будущее.

– Да не знаю я пока, – отмахнулся Александр, – ни к чему здесь у меня душа не лежит.

– Вот и хорошо, – неожиданно ответила сестра, – поедешь со мной. Я уже и насчет работы договорилась. Мама мне написала, так что я все знаю. Здесь у тебя перспектив никаких. На жизнь охотой не заработаешь. А на рыбалке только зад отморозишь на льду. А у тебя настоящий талант к торговле. Не то что у меня.

Действительно, Сашка был с детства «настоящим коммерсантом». Он помнил, как в двенадцать лет нарвал у соседней калины и отвез её за шестьдесят километров на рынок, где продал какой-то бабке за двадцать два рубля. Для пацана это были огромные деньги. На них он купил себе рыбацкие сапоги, удочки и небольшую сетку. Соседка все потом жаловалась, что у них калины много, а у неё почти совсем нет...

– Птицы склевали, – отвечал находчивый мальчишка, – а нашу не клюют, потому что горькая.

– Значит, вы за моей спиной сговорились? – спросил Саша и с облегчением рассмеялся. Он действительно не знал, чем заняться в поселке.

Сестра к нему присоединилась, как и мать, которая незаметно вошла в комнату.

Так и получилось, что уже через несколько дней поезд уносил Александра с сестрой в Сибирь. И началась у Сашки совсем другая жизнь.

Сестра его не обманула, она действительно нашла ему место в заготконторе. Александра направили на учёбу; днем он учился, а вечером помогал сестре по хозяйству. Надя работала директором хлебозавода и допоздна задерживалась на работе, а её муж всегда был в разъездах – он ремонтировал холодильное оборудование.

Хозяйство у сестры было большое, да к тому же он был дядей трех замечательных племянников. Сашка опять крутился как белка в колесе, так что о выпивке больше не думал. Днем он изучал свою новую профессию и узнавал много нового. Например, что за границу отправлялись только шкурки зверья, выросшего на воле, а мех со звероферм оставался в Союзе.

Попытался Александр наладить и личную жизнь. По совету сестры он познакомился с девушкой, живущей по соседству.

– Катя выросла на моих глазах, – говорила Надежда, – девушка она приличная, тихая, всегда здороваается. Домашняя

такая. Будет хорошей женой.

Катя и Александр начали встречаться, и, казалось, всё у них идет на лад. Наконец Саша решил поговорить с подругой серьезно о том, есть ли у них надежда на совместное будущее. Он пригласил Катю в кафе и, собравшись с духом, выпалил:

– Катя, прежде чем приступить к тому, о чем я хотел поговорить, я должен признаться, что уже был женат и у меня есть дочь.

Пока Александр говорил, он смотрел в сторону, а тут поднял глаза на Катю и увидел, что она резко изменилась в лице.

– И когда ты собирался мне об этом сообщить? – со злостью в голосе спросила она. – Когда дело у нас зашло бы достаточно далеко? Ты небось и алименты платишь? А если бы мы поженились, детей завели, ты бы из дома деньги таскал, чтобы на своего ребенка тратить?!

Сашка оторопел от этой неожиданной вспышки злости.

– Не приходи ко мне больше, – почти крикнула, вставая, Катерина, схватила сумочку и выбежала из кафе.

Александр еще некоторое время посидел за столиком, стараясь прийти в себя, а потом расплатился и поплелся домой. Сестра, которая уже пришла с работы, сразу поняла, что произошло что-то неладное, но расспрашивать не стала.

К этому времени учеба у Саши закончилась, ему уже выделили заготовительный участок в совхозе «Хлебодаровский». Он поэтому и хотел серьезно поговорить с Катей, на-

деясь уехать туда вместе с ней. Но теперь Саша был рад, что уезжает один.

* * *

Заготконтора в это время – это система, корнями уходившая во времена НЭПа. Основная сфера деятельности заготовителей – закупка сельхозсырья. По постановлению СНК СССР от 13.02.1932 № 137 «О реорганизации заготовительного аппарата» явствует, что словом «загот» называлось множество небольших низовых контор. Во время коллективизации появились «Заготскот», «Заготзерно», «Заготживсырьё».

Первоначально работа заготовителей шла трудно. В газетах того времени часто встречались заголовки критических статей, например: «Плохо борются за яйцезаготовки», «Оппортунисты из райпотребсоюза срывают льнозаготовки», «Заготконтора РПС продолжает срывать самозаготовки овощей» и др.

«Заготскот». В отсутствие холодильного и перерабатывающего оборудования контора занималась убоем и поставками в города мяса. Предназначенный к убою скот доставлялся к скотобойне своим ходом. Для перегона скота были выделены специальные маршруты, пастбища и водопои. Занималась перегоном особая служба. Закупленный скот сгоняли, собирали по поголовью и в оптимальном темпе пере-

гоняли к месту гуртоправы. В их задачу входило доставить скот в сохранности и в срок. Сама заготконтора обычно располагалась в райцентре, а начало маршрута до ближайшего мясокомбината или железнодорожной станции находилось неподалёку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.